

Неделя - 1987 - №16, 20-26 апр - С.9

На белой поверхности рояля — композиция: протезы на ногах, голова манекена. Сверху древоко, на котором лоскутья сгоревшего флага. На рояле — зажженная свеча, в тени свечи — груда стоптанных ботинок. Композиция называется «Шопен-II». Композиция? Или спектакль? Это театр. Театр Юзефа Шайны.

«Нет ничего, столь не напоминающего театр, как театр Шайны», — говорят о нем. «Практически нет никакой разницы между моей сценической постановкой и пластической композицией. Все это — спектакль сам в себе», — говорит он.

Сценическое пространство можно заполнить железьяками, тачками, тряпьем, костылями, инвалидными колясками, ржавыми трубами и куклами — и это становится спектаклем, уже почти пятнадцать лет живущим и потрясающим зрителей.

В «Реплике» живые общаются с фигурами, из которых ушла жизнь, и Шайна напоминает, предостерегает, предупреждает: живой актер и кукла рядом — смертельно опасная амплитуда человеческой

спектакль о страданиях художника, тянущегося, несмотря ни на что, к добру и свету. «Данте» — самый оптимистичный спектакль Шайны. В свое время поразительный эффект давало то, что зрители становились полноправными участниками действия. Данте спускается в зрительный зал с небес — по лестнице, прохаживается по залу и только потом выходит на сцену, где разворачивается лишь часть спектакля. По всему залу рассажены актеры, некоторые надолго застыли, как статуи, — они оживут только тогда, когда придет их черед. Прекрасна сцена, когда начинают зеленеть молодые деревца, — она навеяна полотнами мастеров Возрождения. Великолепен финал, когда Данте выходит из кругов ада...

«Я всегда стараюсь возразить самому себе и себя же стараюсь удивить. Я не являюсь ничьим продолжателем и не остаюсь верным никому, даже самому себе», — говорит Шайна.

В начале мая московские зрители смогут увидеть «Реплику» и «Данте». Театр Шайны впервые приедет в СССР.

судьбы. Путь от жизни к смерти. Юзефу Шайне было семнадцать лет, когда он попал в Освенцим, а потом в Бухенвальд. За попытку к бегству был приговорен к смерти, но чудом спасся из группы узников, которых вели на казнь. То, что дано было ему пережить, сделало его художником. Гитлеровские концлагеря для Шайны — страшный комментарий нашего века к истории человечества.

«Война давно окончена, но кто сегодня может дать гарантию, что это была последняя война? — спрашивает он. — А может быть, это был лишь регистрационный порядковый номер между первой и третьей?»

...Посредине зала — обыкновенная свалка: обрывки газет, сломанные колеса, старая обувь, земля и мусор. Внезапно куча начинает шевелиться. Живая человеческая рука судорожно тянется к куску заплеванного хлеба. Появятся две руки, соединятся в рукопожатии. Появится нога, голова, затем — заживо погребенные люди-куклы. Это — пролог «Реплики», спектакля-ответа, спектакля-возражения, спектакля — отповеди фашизму. При всей абстрактной условности сценического языка «Реплика» звучит однозначно, смысл спектакля без затруднения прочитывается каждым зрителем, он понятен всем.

Переосмысление коренных философских проблем человеческого существования потребовало обращения к новым средствам художественной выразительности. Он искал их, работая в Новой Гуте, Кракове, Варшаве. Менялись «поля сражений» — сцены, на которых Шайна отстаивал свое право на видение мира, искусство режиссера оставалось шокирующе-дерзким, будоражащим, взрывным. Такими были спектакли «Дон Кихот», «Ноябрьский трактат», «Ревизор», «Виткацы», «Маяковский».

В театре Шайна всегда боролся со словом, оно мешало ему: «Я монтирую тексты и тем самым демонтирую психологию произведения, но не его идею. Такое право у меня есть». Театр Шайны — в полном смысле театр авторский: «Я не могу ставить чью-то пьесу, глядя на нее чужими глазами, пусть даже это глаза человека, создавшего это произведение, и пусть даже этот человек гениален».

Таков его спектакль «Данте», премьера которого состоялась на родине поэта, во Флоренции, в 1974 году. В нем Шайна впервые полностью отошел от лагерных воспоминаний. «Данте» — спектакль, поставленный выдающимся живописцем. Это не инсценировка и не адаптация «Божественной комедии», а попытка перенести на сцену впечатления от одного из величайших произведений человечества. Это

Мы позвонили Юзефу Шайне в Варшаву. Вот что сказал режиссер по телефону специально для «Недели»:

— Для нашего театра, для меня гастроли в Советском Союзе — это событие. Чувство ответственности перед советскими зрителями — особое. Мы по-хорошему волнуемся, а ведь только так и должно быть. С большим волнением я жду и предстоящей выставки своих живописных работ, которая пройдет в Центральном доме художника на Кузнецком мосту. Там будут представлены картины, композиции, коллажи, эскизы декораций к спектаклям.

— Приезд театра «Студио» вызывает у нас в стране большой интерес. Уже давно и «Реплика», и «Данте» рассказываются и пересказываются теми, кто видел их в Варшаве...

— Мы всегда стремились к тому, чтобы наши спектакли имели интернациональное, общечеловеческое звучание, были бы понятны и интересны всем. Но при этом спектакль должен волновать не вообще — сейчас, сегодня, сию секунду, сегодняшнего зрителя. Театр — искусство столь же вечное, сколь и сиюминутное. Как этого достичь? Например, поставленная в 1973 году «Реплика» имеет уже семь версий или вариантов, каждый из которых весьма самостоятелен. В Москве будет показана «Реплика-VI», отличающаяся, скажем, от «Реплики», которую мы играли в Эдинбурге. Только постоянная работа над спектаклем позволяет сохранить ему жизнь на протяжении вот уже почти пятнадцати лет.

— В каком направлении, по-вашему, развивается или должно развиваться современное театральное искусство?

— Я постоянно спорю с тем, что вечный удел театра — воплощение чужих мыслей и чужих произведений. Сегодня необходимо писать спектакли, а не драмы, мыслить постановками, а не текстом. Ведь в театре предмет или звук может быть наполнен большим содержанием, чем слово. Я никогда не стремился к натуралистической точности в своих постановках. Театр — синтез всех искусств, и ни одно не должно быть самодовлеющим. Спектакль — это самый сложный и многозначный творческий акт, и необходимо стремиться к тому, чтобы он воспринимался только таким образом. Формы выражения могут быть любыми — важно говорить о главном, о самом главном, точно назвать это главное. На сегодняшний день это главное заключено в следующем: будет ли мир продолжать говорить о разоружении или он начнет разоружаться.

До встречи в Москве!
Виктор БУРЯКОВ.

18